

писателю сразу пришло признание, и заслуженно, но эта повесть стала и единственным успехом К. как писателя.

Несмотря на то что действие повести разворачивается на хорошо разработанном, магистральном для советской прозы 1930-х направлении, тема становления новых производственных и человеческих отношений получает у К. особое звучание. И читателей, и критиков привлек какой-то естественный, легкий — без преднамеренных социальных акцентов — психологизм прозы К., его стремление говорить просто о вещах обыденных, свободно о человеческих чувствах. Лирика явно потеснила здесь расхожие газетно-публицистические штампы т. н. производственной прозы. Механик Басов, которого посылают на самый отстающий танкер в пароходстве, сразу же замечает у работающих здесь людей отсутствие «внутренней связи с делом». Он стремится разбудить в сознании рабочих веру в себя, свои силы, преодолеть не производственные неполадки сами по себе, а человеческую разобщенность. Под влиянием нового руководителя люди, которых до этого прозвали «черепахами внутреннего сгорания», становятся энергичными, увлеченными своим делом, подлинными создателями, способными на подвиг. В таком писательском решении литература тех лет делала несомненный шаг вперед в эстетическом освоении героя своего времени. Хотя в повести «Танкер „Дербент“» были обрисованы неповторимые жизненные ситуации и характерная для эпохи именно первых пятилеток романтизация трудового подвига, книга эта вышла за рамки «производственной» прозы. Повесть К. пережила свое время.

Дальнейшая лит. работа шла трудно; К. пытается найти свою тему, свой путь в творчестве; стремится сделать свою прозу более действенной, социально острой. Пафос следующей повести — «**Инженер**» (1941) был направлен против карьеризма и чиновничества.

В первые дни Великой Отечественной войны К. ушел на фронт, там он работал во фронтовой газ. «Советский патриот», писал очерки, статьи. В сент. 1941 часть, в которой находился К., вела тяжелые бои на Украине. Попав в окружение, К. погиб. Прах К. был перенесен в с. Богодуховка.

Соч.: Танкер «Дербент». Инженер. М., 1963; Подвиг: рассказ // Тарусские страницы. Калуга, 1961.

Лит.: Юрий Крымов (Беклемишев Юрий Соломонович). Описание документальных материалов личного фонда № 593. М., 1949 (ЦГАЛИ); Козлова Л. Юрий Соломонович Крымов: Указатель литературы. Л., 1956; Кузне-

цов М. Юрий Крымов: Критико-биограф. очерк. М., 1953; Громов П. Юрий Крымов: Очерк творчества. М., 1956; Либединский Ю. Рассказ о Юрии Крымове // Либединский Ю. Современники. Воспоминания. М., 1961; Оттен Н. Дань. М., 1980.

А. А. Павловский

КРЮКОВ Федор Дмитриевич [2(14).2.1870, ст. Глазуновская Усть-Медведицкого округа Обл. Войска Донского — 20.2(4.3).1920, ст. Новокорсунская Кавказского отд. Кубанской обл.] — прозаик, публицист.

Родился в семье станичного атамана, отставного урядника. Первоначальное образование получил в окружном Усть-Медведицком училище (в разное время его выпускниками были Д. Л. Мордовцев, А. С. Серафимович). С 1880 по 1888 учился в Усть-Медведицкой гимназии, которую окончил с серебряной медалью и поступил (на казенное содержание) в Петербургский историко-филол. ин-т, готовивший учителей средних специальных учебных заведений. Свою давнюю мечту о служении народу, возникшую под воздействием идей Л. Н. Толстого, стремился осуществить на писательском поприще. «...Были писатели, как Г. Успенский и др. И я хочу быть писателем, бойцом на поприще пера... Я люблю свой народ, рад послужить... У меня сердце сильно бьется, изнывает при мысли о других, а судьба равнодушно давит», — записывает К. в дневнике в апр. 1890 (Цит. по:

Ф. Д. Крюков

Берендюков Б. Бытописец тихого Дона // Кубань. 1991. № 8. С. 31).

Печататься К. начал в студенческую пору, дебютировав в 1890 небольшими заметками в газ. «Донская речь». Первые свои очерки опубликовал в «Северном вестнике» и «Историческом вестнике», где встретил поддержку С. Н. Шубинского. Горевший «стыдом за настоящее... потомков славных казаков», К. в раннем творчестве обращается к истории Дона, пишет очерки о специфике взаимоотношений казака с законом и властью («**Казачьи станичные суды**», 1892), о древнем молодецком промысле казаков — «добыче зипунов» («**Гулебщики. Очерк из быта стародавнего казачества**», 1892), о начале восстания донских казаков против самодержавной политики Петра I («**Шульгинская расправа. Этюд из истории булавинского возмущения**», 1894). К. привлекали колоритный казачий быт, демократические основы самоуправления, сама идея вольной казачьей республики. «Я так был горд его (родного края.— В. З.) прошлым,— вспоминал К.,— которое представлялось мне в романтическом отношении вольнолюбивым и героическим, немножко идеализируя серое зипунное рыцарство старины, отгулявшее в истории шумный и головокружительный праздник, безалаберную удалую вольницу» (**Первые выборы** // Русские записки. 1916. № 4. С. 163). Ранние очерки К. были недоброжелательно встречены критикой (см.: Мельников-Разведенков. Наше казачество в журнальных публикациях // Донская речь. 1894. 13, 15 дек.). В дальнейшем К. оставит исторические сюжеты и сосредоточит внимание на повседневной жизни донского казачества. В 1892 К., окончивший ин-т по разряду истории и географии, оказался «на распутье»: «Хотелось чем-нибудь послужить родному краю, пойти в народ, и именно в свой народ... но с филологическим дипломом не за что было уцепиться, подступов к этому народу ни с какой стороны не открывалось» (**О пастыре добром: Памяти о. Филиппа Горбаневского** // Русские записки. 1916. № 6. С. 308). Всю жизнь К. будет переживать драму «выломившегося» из своей среды интеллигента, о которой поведает устами учителя Васюхина: «Я — сын народа, смело могу сказать. И, тем не менее, я неизменно и постоянно чувствую, что что-то отрезало меня от моего народа, что на меня он смотрит уже не как на своего...» (**Из дневника учителя Васюхина** // РБ. 1903. № 7. С. 107). К. подает прошение министру народного просвещения об освобождении

его от обязательной 6-летней педагогической службы в связи с намерением «надеть иерейскую рясу» и тем «стать поближе к народу». Однако донской архиепископ Макарий убедил К. изменить свое решение. (Интерес К. к церковной жизни, монастырскому быту, характерам чутких, близких к народу священников и монахов проявился в произведениях ранних и зрелых лет: «**К источнику исцелений**», 1904; «**Без огня**», «**Сеть мирская**», оба — 1912, и др.)

Около года К. живет на гонорар от сотрудничества с «Петербургской газ.» (оно продолжалось до 1884), где печатает бытовые зарисовки, сценки в стиле Н. Лейкина. В сент. 1893 К. назначается на должность воспитателя в пансион Орловской мужской гимназии (с 1900 получает там место внештатного учителя истории и географии); К. преподавал также в Николаевской женской гимназии, Орловском-Бахтина кадетском корпусе. После смерти отца (1893), не меняя места жительства в Орле, К. берет на себя заботы о семье (матери, брате, двух незамужних сестрах, приемном сыне Петре — впоследствии известном литераторе Русского зарубежья). В эту пору лит-ра для К. становится не только средством преодоления тоски по родине, но и серьезной материальной поддержкой.

Переломным для начинающего писателя стал 1896. Опубликованная на страницах «РБ» — передового ж. того времени, возглавляемого В. Г. Короленко,— повесть «**Казачка**» (первоначальное название «**Односумка**») с подзаголовком «Из станичного быта» положила начало постоянному и плодотворному сотрудничеству автора с органом легального народничества, где К. обрел не только трибуну, но и учителей и единомышленников («...Я держусь группы народников и в экономических и в эстетических взглядах».— Письмо А. И. Тинякову от 8 авг. 1903 // РНБ. Ф. 774). Поведанная в повести драма жалмерки Натальи Нечаевой, молодой, гордой женщины (из-за постоянных наветов, оскорблений мужа она изменила ему и повесилась перед его возвращением со службы), прозвучала как реквием по бессмысленно загубленной жизни казачьей мадонны. С «Казачкой» в русскую лит-ру входил художественно малоисследованный и потому малоизвестный российскому читателю мир казачьей Донщины. Вслед за «Казачкой» в «Историческом вестнике» и «РБ» К. печатает рассказы и очерки «**Клад**» (1897), «**На тихом Дону (Летние впечатления и заметки)**» (1898), «**В родных местах**»

(1903), повесть «Из дневника учителя Васюхина» (1904) и др. Он заявил о себе как честный бытописатель донской жизни, который не идеализировал быт и нравы казачества. Стремясь оттенить здоровые начала в казачьем характере, сформированные за годы многотрудной борьбы за существование (любовь к родному краю, трудолюбие, отзывчивость, человечность), К. в то же время выставлял напоказ косное и консервативное в нравах, что нередко приводило его героев к бытовым драмам. К. открыл читателю подлинное лицо казака-воина, казака-земледелец. Для К. казак — это «тот загорелый, заветренный, мазаный человек, над которым неизменно тяготеет суровая власть земли, нужды и вечная необходимость неустанного труда... Кроме всего этого, на нем давящим бременем лежит — даже в домашней жизни — обязанность быть каждую минуту готовым выступить в полном вооружении и на своем собственном коне против врагов Отечества» (На тихом Дону // РБ. 1898. № 9. С. 124).

К. прожил в Орле 12 лет. В авг. 1905 «за одно литературное прегрешение» (рассказ «**Картинки школьной жизни**», воспринятый как сатира на коллектив Орловской гимназии), приведшее к конфликту с директором и коллегами, К. распоряжением попечителя Московского учебного округа был переведен по службе в Нижегородское реальное училище. В марте 1906 статский советник К. избирается депутатом в 1-ю Государственную думу от казачьего населения Дона, а в апр. оставляет педагогическую деятельность, выйдя в отставку. В этом же году К. (вместе с Н. Ф. Анненским, С. Я. Елпатьевским, В. А. Мякотиним, А. В. Пешехоновым — товарищами по «РБ») становится одним из учредителей трудовой народно-социалистической партии, интересы которой он отстаивал в Думе. 13 июня 1906 К. выступил с речью о совр. положении казачества, выразив протест против использования казачьих частей для подавления революционных выступлений. В июле 1906 в знак протеста против роспуска Думы подписал Выборгское воззвание. Вернувшись на Дон, занимался пропагандистской деятельностью. Осенью 1906 предстал перед судом (вместе с Ф. К. Мионовым, будущим командармом 2-й Конной армии, и студентом Скачковым) в ст. Усть-Медведицкой за произнесение речи политического содержания. В конце лета 1907 после обыска К., высланному по воле наказного атамана с Дона, было запрещено проживание в пределах области сроком на 10 лет. (По ходатайству казаков Глазуновской ста-

ницы запрет был снят.) К. возвращается в Петербург, с трудом устраивается библиотекарем в библиотеку Горного ин-та. В 1907 (при содействии Л. И. Иванчина-Писарева) выходит первый сб. произведений К. — «**Казачьи мотивы**», куда вошли очерки, рассказы и повести 1892–1906. Критика отмечала, в частности, что «автор не выдумывает, не творит от себя, а просто излагает, что слышал, что подлинно прочувствовал» (Образование. 1907. № 6. С. 102); выделяла «в художественном отношении простые и неприятельские бытовые очерки вроде „Казачки“, „В родных местах“, „Из дневника учителя Васюхина“» (Новый журнал лит-ры, искусства и науки. 1907. № 3. С. 164). В 1909 К. предъявляется обвинение в организации народно-социалистической партии. За отсутствием состава преступления дело завершилось месячным содержанием в одиночной камере петербургских «Крестов» (за подписание Выборгского воззвания). Тюремные впечатления нашли отражение в очерках «**У окна**» (1909), «**Полчаса**», «**В камере 380**» (оба — 1910). В тюрьме К. написал повесть «**Зыбь**». Она была послана М. Горькому на Капри. Одобренная, увидела свет в 27-м номере сб. «Знание». «Коли не ошибаюсь, да коли Вы отнесетесь к самому себе построже,— писал Горький К.,— тогда мы с Вами поздравим русскую литературу с еще одним новым талантливым работником» (Русская литература. 1982. № 2. С. 85).

В 1909 К. становится пайщиком товарищества по изданию ж. «РБ», в 1912 — штатным сотрудником, соредактором В. Г. Короленко и А. Г. Горнфельда по отделу беллетристики. С этого времени К. — профессиональный литератор. Период с 1904 по 1912 — пора расцвета таланта писателя, создавшего лучшие свои произведения, в которых нашли отражение жизненные противоречия дореволюционного Дона: тяжесть царской службы, бременем лежащая на казаке всю жизнь («**Станичники**», 1906; «**О казаках**», 1907); горькая судьба жалмерок (казачьих жен) и матерей («**Мать**», 1910; «**Галуны**», 1911; «**Офицеры**», 1912); революционные волнения среди казаков в годы русской смуты («**Станичники**», «**Шаг на месте**», 1907; «**Зыбь**», «**Шквал**», оба — 1909); падение нравов («**На речке лазоревой**», 1911); земельные отношения («**Галуны**», «**Земля**»). К. подводит читателя к мысли о том, что значительная часть донского казачества обезземеливается, нищает, чему причиной особая воинская повинность, обременительная во всех отношениях, отчуждающая

казака-земледе́льца за время службы от земли и семьи. К. развенчивает пресловутый миф о сословном монолите донского казачества.

В произведениях 1905–12 происходит усиление социальных мотивов, углубление психологизма, усложняется мотивация поступков героев, ярче очерчиваются казачьи типы (тип «выломившегося» из своей среды героя). К. не ограничивал себя рамками казачьей тематики и создал ряд произведений на материале коренной России: «**К источнику исцелений**», «**Сеть мирская**», «**Без огня**» (все — 1912) и др. В 1914 книгоиздательство писателей в Москве выпустило вторую книгу К.— «**Рассказы**» (Т. I). В нее автор включил произведения 1908–11. Задуманное таким образом СС К. не состоялось из-за трудностей военного времени. Критика отмечала «простоту стиля», «изобразительный дар», «меткий живописный язык», склонность «к добродушному юмору» (Северные записки. 1914. № 8, 9. С. 249); подчеркивалось наличие «подкупающей трогательности, меткого юмора, острой наблюдательности, искреннего умения заинтересовать читателя» (Доброво Н. Е. Казачья жизнь в рассказах Крюкова // Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф. 1914. № 4. С. 107). В ряде произведений мемуарного характера этой поры обостряется мотив свидания с родиной, писатель начинает глубже осознать ложность своих поисков счастья «среди зыбей жизни».

В конце 1912 — начале 1913 К. переживает творческий кризис. В письмах ко многим его корреспондентам звучит мотив усталости и угнетенности: «Надо бы писать — голова пуста, как карман беллетриста» (Письмо А. Серафимовичу от 4 мая 1913 // Волга. 1988. № 2. С. 160). «Литературных планов никаких. Перестал и голову ломать о том, чтобы написать какую-нибудь крупную вещь» (Письмо А. Серафимовичу от 14 авг. 1913 // Волга. 1988. № 2. С. 162).

В годы Первой мировой войны (зимой 1914/15) К. в составе 3-го санитарного отряда Красного Креста (как корреспондент) находился на Турецком фронте. В конце 1915 — начале 1916 с тем же отрядом К. побывал на Галицийском фронте. Он отходит от беллетристики, переключившись полностью на журналистику. Последнее его большое произведение — повесть «**Группа Б**» (о буднях прифронтового госпиталя), опубликованная в «Русских записках» в 1916. Впечатления от поездок к театру военных действий преломились в цикле очерков «**Около войны**», «**Силуэты**» и др., публиковавшихся

также в «Русских записках» и «Русских ведомостях» в течение 1915–1916. В годы Первой мировой войны К. занимал оборонческую позицию, ратуя за необходимость продолжения войны до победного конца.

Февральская революция захватила его в Петрограде. Он воспринял ее скорее с тревогой, чем с радостью. Удрученный вскоре пучиной хаоса, «безответственности, самостийной диктатурой анонимов», К. переживает мировоззренческий перелом. На конференции народно-социалистической партии он единственный выскажется за конституционную монархию. В марте 1917 К. избирается в Совет Союза казачьих войск. В апр. он уедет на Дон, примет участие в политической жизни края. В конце февр. он участвует в подготовке восстания против большевиков на Северном Дону. В авг. этого года К. избирают Секретарем Большого войскового круга (Донского парламента). С апр. 1919 К.— редактор газ. «Донские ведомости». Одновременно он будет исполнять обязанности директора Усть-Медведицкой гимназии. В конце окт. 1919 К. приезжает в Новочеркасск, слагает с себя обязанности Секретаря круга, вступает в Усть-Медведицкую сводную бригаду. Отступая с Донской армией на Кубань, К. заболел тифом, умер в дороге, на пути к екатеринодарскому госпиталю.

При жизни писатель получил признание современников. Его ценили В. Г. Короленко, А. С. Серафимович, М. Горький. По отзыву Короленко, «Крюков писатель... со своею собственной нотой и первый дал нам настоящий колорит Дона» (Избранные письма. М., 1936. Т. 3. С. 228). К. называли Глебом Успенским Дона, Гомером казачества. К. принадлежал «к тем второстепенным, но подлинным создателям художественного слова, которым по праву гордится русская литература» (Горнфельд А. Памяти Ф. Д. Крюкова // Вестник лит.-ры. 1920. № 6. С. 15). К. оставил большое творческое наследие (более 300 произведений разных жанров — повести, рассказы, очерки, заметки, рецензии), которое до сих пор не собрано.

Соч.: Офицерша: повести и рассказы / сост., предисл. и прим. И. П. Данилова. Краснодар, 1990; Рассказы. Публицистика / сост., вступ. статья и прим. Ф. Г. Бирюкова. М., 1990; Казачьи мотивы: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворения / вступ. статья, сост., подгот. текста и прим. Г. М. Миронова. М., 1993; Булавинский бунт (1707–1708): Этюд из истории отношения Петра Великого к донским казакам. М.; СПб., 2004.

Лит.: Родимый край: Сб., посвященный 25-летию лит. деятельности Крюкова. Усть-Медведицкая, 1918;

Боцяновский В. Из воспоминаний о Ф. Д. Крюкове // Вестник лит.-ры. 1920. № 9; Проскурин В. К характеристике творчества и личности Ф. Д. Крюкова // Русская лит.-ра. 1966. № 4; Проскурин В. Кочующие ошибки: К биографии Ф. Д. Крюкова // Советская библиография. 1985. № 2; Мезенцев М. Судьба архива Ф. Д. Крюкова // Коммунистический путь. Серафимович, 1988. 9, 13, 16, 23 сент.; Хьетсо Г. и др. Кто написал «Тихий Дон»? М., 1989; Астапенко М. Его называли автором «Тихого Дона». Ростов н/Д., 1991; Васильев В. Возвращение Федора Крюкова // Шолохов на изломе времени. М., 1995. С. 111–136; Сатарова Л. Г. Донское казачество в прозе рубежа XIX–XX веков. М., 1992; Запавалов В. Н. Ф. Д. Крюков — рецензент «РБ» // Русский лит. портрет и рецензия: Концепции и поэтика. СПб., 2000. С. 78–89; Федору Крюкову, певцу Тихого Дона. М., 2002; .

В. Н. Запавалов

КТОРОВА Алла (настоящее имя Виктория Ивановна Сандор, урожденная Кочурова) [29.12.1926, Москва] — прозаик.

В книге **«Мелкий жемчуг»** (1987) К. проследила историю своего рода до XVII в. Предки были московскими извозчиками. Среди ее родственников — писатель Н. И. Кочуров (Артем Веселый). Некоторые черты семейного уклада именно ее предков, считает К., отразились в нескольких пьесах А. Н. Островского. Отец К. был сначала белым, потом красным офицером. В раннем детстве К. пережила арест отца. Он был отправлен на строительство Беломорканала, по возвращении из лагерей, где провел 6 лет, стал оперным певцом Саратовского театра оперы и балета. Во время войны семья К. эвакуировалась в г. Барнаул. По возвращении в Москву К. закончила школу, затем поступила в Ленинградский театральный ин-т, позже перевелась в ГИТИС, но, испытав разочарование в театре 1950-х, получила высшее образование в Первом Московском педагогическом ин-те иностр. яз. на отделении английского яз. Работала стюардессой на местных линиях Аэрофлота, преподавательницей английского яз. в московской средней школе, а затем — переводчицей в гостинице «Москва». Первый иностранец, которого увидела К. в первый день своей работы в Бюро обслуживания гостиницы, — американец Джон Сандор, летчик, герой Второй мировой войны, через полтора года тайной от властей переписки стал ее мужем. В своих книгах **«Лицо Жар-Птицы»** (1969), **«На розовом коне»** (1994) писательница рассказала необычную историю своей любви и замужества, в которой фигурируют силы КГБ, чиновники высшего гос. уровня, включая Н. С. Хруще-

А. Кторова

ва — именно по его приказу в 1958 К. была выдана виза на выезд в США за № 5. Это означало, что она была пятым лицом не по службе, но все-таки легально выехавшим из Советского Союза в постсталинское время и сохранившим советский паспорт. С тех пор К., ставшая Mrs. John Henry Sandor, живет с мужем в Роквилле (штат Мэриленд).

В течение мн. лет К. преподавала русский яз. в разных американских университетах, работала диктором и переводчиком на радиостанции «Голос Америки», занималась ономастикой (она член науч. общества «American Name Society» и автор книги о русских и иноязычных именах **«Сладостный дар»**, выдержавшей два изд.).

Писать начала в Соединенных Штатах. Псевдоним — Алла Кторова — соединяет имена любимых ею актеров — Аллы Константиновны Тарасовой и Анатолия Петровича Кторова. Первая публикация — очерк **«Домрабыни»** появился в альм. «Мосты» (1961), затем ж. «Грани» (1963) напечатал рассказ **«Юрин переулочк»**, который вскоре был переведен на датский и немецкий яз. Первая книга **«Лицо Жар-Птицы»** (1969) — «обрывки незаконченного антиромана», по авторскому жанровому определению, — была доброжелательно встречена А. Т. Твардовским, предисл. ко 2-му изд. написал Б. К. Зайцев,